Договор: новые грани правового регулирования и вопросы правопонимания

СИНИЦЫН Сергей Андреевич, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34

E-mail: synss@mail.ru

Текущая реформа российского гражданского законодательства, активная работа по подготовке постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по общим положениям о договоре предполагают содержательную модернизацию системы договорных обязательств в части второй Гражданского кодекса Российской Федерации с обновлением контуров правопонимания договорного регулирования в российском гражданском праве. Ближайшими ориентирами законодательного развития совершенствования положений о договорах в гражданском праве являются правоприменительная практика, положительный опыт правового регулирования развитых европейских правовых порядков, наработки российской и зарубежной правовой доктрины договорного права. Необходима разработка программных направлений развития положений Гражданского кодекса о договорных обязательствах. Требуют дальнейшей проработки вопросы о критериях построения системы договоров в Гражданском кодексе и принятых в соответствии с ним федеральных законах. Не утрачивает актуальность потребность определения соотношения лингвистически сходных, но онтологически и гносеологически отличающихся понятий договора и соглашения как в структуре частного права (гражданского, трудового, семейного права), так и в межотраслевом (гражданское и административное право) аспектах, в связи с чем практическую и теоретическую значимость приобретает вопрос о возможности и контексте понимания договора как межотраслевой ценности. Необходимость максимизации всестороннего и полноценного освещения этих вопросов формулирует актуальную задачу перед юридической наукой и практикой.

Ключевые слова: соглашение, гражданско-правовой договор, административный договор, договор как правовая ценность.

A Contract: New Facets of Regulation and Law Understanding Issues

S. A. SINITSYN, leading research fellow of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, doctor of legal sciences

34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: synss@mail.ru

The current reform of Russian civil legislation suggests a meaningful modernization of the contractual obligations' composition in the second part of the Civil Code of the Russian Federation. The immediate benchmarks for legislative development are law enforcement practice, positive experience in the regulation of developed European legal orders, and developments in Russian and foreign legal doctrine of contract law. It is necessary to develop program directions for the development of the Civil Code provisions of the Russian Federation on contractual obligations. Questions about the criteria for building a system of contracts in the Civil Code and federal laws, adopted in accordance with it, require further development. The need to determine the relationship of linguistically similar, but ontologically and epistemologically distinguishable concepts of contract and agreement, both in interdisciplinary (civil, labor, family law) and inter-branch (civil, administrative) aspects, therefore, are practical and of theoretical significance. It acquires the question of the possibility and the context of understanding the contract as an inter-sectoral value. The need to maximize a comprehensive and fully-fledged coverage of these issues formulates an urgent task for legal science and practice.

Keywords: agreement, civil contract, administrative contract, contract as legal value.

DOI: 10.12737/art_2019_1_5

В юридическом быту (законодательство, доктрина, правоприменительная практика) применительно к различным правоотношениям частного и публичного права активно используются лингвистически сходные, но онтологически и гносеологически различаемые понятия: договор, конвенция, пакт, контракт, согласованные действия, союз, договоренности, картель и др. Сохраняется потребность выяснить пределы их соотношения.

Современным авторам кажущееся смысловое единство указанных понятий дает формальные основания поставить вопрос о рассмотрении проявлений договора в межотраслевом аспекте, предварительно определившись с необходимостью восполнения складывающейся правовой неопределенности относительно возможности субсидиарного применения к возникающим отношениям общих гражданско-правовых норм о договоре, особенно в части правил его заключения, исполнения, недействительности, расторжения, толкования и даже ответственности за нарушение договорных обязательств. В условиях современности прежде чем определиться с корректностью такого подхода, уместно напомнить о рациональности идеи Р.-Ж. Потье о родовой природе понятия соглашения и видовом понятии договора, что подразумевает разность содержания наполнения и правовой регламентации правоотношений, возникающих в несравнимых спектрах социального взаимодействия взаимозаинтересованных лиц. Такое понимание показывает, что договор и соглашение относятся к разнотипным явлениям, имеющим разные смысловую нагрузку и окраску. Важно подчеркнуть, что именно по мотивам разности целей и содержания регулируемых отношений понимание договора в гражданском праве и договора в иных отраслях частного права не всегда считалось равнозначным, не говоря уже о возможности отождествления до-

говоров в частном и публичном праве¹. Такие универсальные суждения не новы и опираются на идею договора как консенсуса, значение которого наиболее полно было раскрыто школой естественного права еще в Средневековье — в договоре воплощена индивидуальная свобода в качестве универсального принципа правопорядка (Ж.-Ж. Руссо), а также в учении пандектистов о предопределенности идеей договора всех существующих и потенциально возможных форм социального взаимодействия субъектов права — “*Verträge beinahe als gleichbedeutend ansehen mit den Rechtsgeschäften unter Lebenden überhaupt*”. Однако идет ли здесь речь о договоре в подлинном смысле?

¹ См.: Новицкий И. Б., Лунц Л. А. *Общее учение об обязательствах*. М., 1950. С. 96. Впрочем, есть и другая точка зрения, которой не только обосновывается возможность применения общих положений о гражданско-правовом договоре во всех отраслях частного права в связи с возможным воссоединением отраслевого регулирования договорных отношений с гражданско-правовым договором, но и допускается существование договорных отношений во всех сферах правового регулирования (в том числе в публичном праве) при соблюдении исходного признака равенства договаривающихся субъектов права вне отношений власти подчинения (см.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. *Договорное право*. Кн. 1. М., 2005. С. 24, 32). Эта же мысль продолжена Б. И. Пугинским, отметившим, что рассмотрение договора только в гражданском праве неточно, поскольку «договорное регулирование применяется в различных сферах публичной деятельности: административно-управленческой, таможенной и налоговой — причем эти договоры имеют ряд общих признаков с договорами гражданского права: добровольность заключения, свобода в определении сторонами условий соглашения, договорная ответственность за неисполнение обязательства» (Пугинский Б. И. *Частный договор в научной картине права* // Б. И. Пугинский. *Избранные труды: сборник к 75-летию*. М., 2018. С. 447).

Как видится, именно идея соглашения, но не договора охватывает разнообразные формы социального взаимодействия субъектов, правовое значение и эффект от которых могут кардинально разниться, не ограничиваясь предметом и целями гражданского права в динамике оборота, что само по себе сужает сферу действия договора уже в системе частного права, не говоря уже о его межотраслевом понимании. Именно поэтому не находится достаточных оснований согласиться с утверждением, что свободного волеизъявления участников соглашения и норм, на основании которых оно возникло, независимо от специфики возникших правоотношений, должно быть достаточно для отнесения соответствующих норм и соглашений, ими порожденных, к гражданско-правовым, невзирая на то, что урегулированный ими правовой институт может относиться к публичному праву (приводится пример создания государства свободным волеизъявлением автономных субъектов конституционного права)². В действительности без привязки к специфике сложившихся правоотношений закрепленного в норме дозволения и (или) совместного и добровольного волеизъявления нескольких лиц еще недостаточно для отнесения соответствующей нормы и соглашения к числу гражданско-правовых, поскольку правовая природа дозволения и сфера действия согласованного волеизъявления субъектов права потенциально гораздо шире гражданской правосубъектности, сферы действия и назначения обязательственного (договорного) права. При широком, а на деле всеобъемлющем понимании договора без ответа остается вопрос о необходимости и последствиях таких обобщений, поскольку общий смысл координации поведения субъектов права в согла-

шении состоит преимущественно в организационном объединении их усилий и устремлений в кооперации для достижения поставленной цели, противостоящей началам насилия и несправедливости (Г. Гроций). Принятие такого подхода ничего не может сказать о юридической природе многообразия возникающих правоотношений, что существенно затрудняет моделирование надотраслевого понимания института договора, особенно в условиях изначальной неточности места и содержания комплексных и смежных образований в системе права³.

Широкое понимание договора скорее не признается и в структуре современного европейского частного права, в котором усиливается отступление от определения договора через соглашение в пользу защиты охраняемого им интереса⁴. Далее исследователи обосновывают складывающуюся тенденцию специализации и обособления регулирования отдельных типов договорных обязательств (особенно в сфере услуг) внутри предмета договорного права, что заметно ограничивает применение к ним общих положений о договоре и распространение по аналогии норм о других договорах при единой гражданско-правовой основе возникновения договорных правоотношений⁵. В этом можно видеть продолжение мысли В. Флюме о том, что даже в обязательственных правоотношениях, а не во всей многозначно-

³ См. об этом: *Садиков О. Н.* Нетипичные институты в советском гражданском праве // *О. Н. Садиков.* Вопросы гражданского права и международного частного права. Избранные труды. М., 2015. С. 107—111; *Клейн Н. И.* Организация договорно-хозяйственных связей. М., 1976. С. 41.

⁴ См.: *Historisch-kritischer kommentar zum BGB herausg / M. Schmoeckel, J. Rückert, R. Zimmermann.* Tübingen, 2003. Bd. I. Allgemeiner Teil. S. 835.

⁵ См.: *Willingmann A., Tammer M., Tonner K.* Vertragsrecht: kommentar. München, 2010. S. 2—4.

² См.: *Генкин Д. М.* Правовое регулирование труда в промысловой кооперации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1939. С. 14, 17.

сти частного права трудно уловить пределы и суть проявления идеи договора вообще, поскольку понимание идеи договорного регулирования в обязательствах складывается только из признаваемой конкретным правопорядком системы договоров в связях между ее элементами. В целом же индивидуальные признаки договора и его гражданско-правовую идентификацию следует видеть в целях и последствиях реализации экономического частного интереса договаривающихся лиц в динамике товарооборота. Представляется, что для этого будет недостаточно указать просто на хозяйственную цель договора⁶ вследствие потенциальной безграничности значения такой характеристики в межотраслевом и междисциплинарных концептах.

Частное (гражданское) право.

Исторически в рамках гражданско-правовых отношений договор являлся первичным инструментом и предпосылкой товарообмена, на его специфике сконцентрирована особенная часть гражданских кодификаций в части регламентации различных типов и видов договорных обязательств, координации общих и специальных норм договорного права⁷. Интересно проследить тенденции развития системы договорных обязательств в современном российском гражданском праве: традиционное деление договоров на организационные и товарораспорядительные уточняется выделением особых управленческих договоров⁸; напро-

тив, не усматривается оснований и смысла в отнесении к самостоятельным гражданско-правовым договорам соглашений о внесудебном (альтернативном) порядке урегулирования спора⁹.

Обращает внимание близость целей и взаимовосприимчивость договорного регулирования в правовых системах современности, которой не наблюдается в вещном, корпоративном или интеллектуальном праве. Как отмечается исследователями, достигнутые результаты модернизации европейского договорного права приобрели фрагментарно-утилитарное значение (срочность реализации в национальном законодательстве актов Евросоюза в части совершенствования национального законодательства в строго заданных сферах) и в полной мере не достигли поставленных временем задач: сохранение догматики немецкого правосознания (преимущественная ориентация на формальные и вместе с тем фрагментарные стадии развития договорного обязательства — невозможность исполнения, просрочка, объем ущерба, обстоятельства и формы нарушения, основания смягчения (освобождения) от ответственности и т. д.) помешало заимствованию рациональных идей общего права (договор включает не только непосредственно определенные сторонами условия, но и все предполагаемые обязательства, основанные на исполнении, а связывающее поведение должника — это факт доверия, на котором основываются защищенные ожидания кредитора как главный объект правовой охраны договорного обязательства (Action of Assumpsit, Breach of Contract); установленная законом и договором ответственность долж-

⁶ См.: Schlossmann S. Der Vertrag. Leipzig, 1876. S. 54—58; Enneccerus L. Rechtsgeschäft. Bedingung und Anfangsterm. Marburg, 1888.

⁷ Не случайно зарубежные исследователи делают вывод, что правильность рассмотрения договора именно в обязательственном праве подтверждается многовековым опытом европейского и общего права (Flüme W. Allgemeiner Teil des bürgerlichen rechts. Berlin, 1992. Bd. 2. Das Rechtsgeschäft. S. 599—601).

⁸ См.: Гутников О. В. Управленческие договоры в гражданском праве // Договор как общеправовая ценность. М., 2018. С. 131—150.

⁹ См.: Гайдаенко Шер Н. И. Договорные формы урегулирования споров, возникающих в связи с предпринимательской деятельностью (опыт России и зарубежных государств): дис. д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 19.

ника является только страховкой интереса кредитора, но не самоцелью кредитора в обязательстве; практика разрешения споров из договора ориентирована на полную компенсацию нереализованного интереса участника договора). Считается, что реализация такого подхода оказывается возможной, если выйти за пределы формальных границ согласованных условий договора, посмотрев на возможность исполнения договора глазами не конкретного, а среднего добросовестного и разумного контрагента в сравнимых обстоятельствах¹⁰, при том, что концептуальная основа BGB уже в начале XX в. критиковалась за индивидуализм и безраздельное господство частной автономии, что в полной мере отразилось и на дискуссиях вокруг легального понятия договора, лишённого функциональной нагрузки. Уже в 1930-х гг. немецкое правосознание требовало законодательного признания, что обособленная индивидуальная свобода больше не должна рассматриваться как единственный принцип и цель частного права. Очевидное для английского юриста с древности (Bukton v. Tounesende (Townsend) (1348)) суждение о двойственной функции волеизъявления (определение предмета основных обязательств по исполнению, а также, если это явно предусмотрено или прямо следует из обстановки, вспомогательных обязательств по исполнению) не воспринимается немецким правосознанием в значении общего правила¹¹, фокусирующегося на вопросе о квалификации и сложности выяснения гипотетической воли сторон и следующих из нее дополнительных обязанностей сторон обязательства в аспекте их договорной или внедоговорной природы (Lehre vom gesetzlichen Schutzpflichtverhältnis). По сути такой взгляд продолжает

и не противоречит теории волеизъявления, укладываясь и в структуру взаимных притязаний участников обязательства в конструкции П. Эртманна: в договоре его стороны «противопоставляются не как активный и пассивный субъект, речь идет скорее только о том, на кого распространяется требование/притязание, считающееся существующим»; соответственно, и в отношениях должника и кредитора не говорится о безусловной обязанности совершения действия, а речь идет только о споре (взаимодействии) претендентов как субъектов обязательственных прав¹².

По правовым последствиям заключение договора порождает особый правовой режим по поводу его предмета в отношениях между сторонами, приобретшими взаимные права, обязанности и притязания друг к другу, чем обусловлено возникновение особого материального статуса участников договора, который не существовал до его заключения, и обосновывается преобразовательная функция договора. С заключением договора у сторон возникает состояние внутренней юридической связанности его условиями, что отражается и на отношениях участников договора с третьими лицами, ограничивая их свободу и инициативу сообразно взятым на себя обязательствам. Эти обстоятельства обуславливают необходимость рассмотрения договора в принятой наукой проекции сделки как юридического факта и возникшего правоотношения. Современными авторами сделано интересное наблюдение, что договор не только опосредует акт товарообмена, но и отражает в сформулированных его сторонами условиях программу поведения сторон и планирование сделки с учетом индивидуальных интересов участников договора и многообразия вариантов развития обстоятельств посред-

¹⁰ См.: Oechsler J. Vertragliche Schuldverhältnisse. Tübingen, 2017. S. 1—3.

¹¹ См.: Oechsler J. Op. cit. S. 6, 12.

¹² Örtmann P. Das Problem der relativen Rechtszuständigkeit // JhJ. 1916. Bd. 30. S. 139.

ством выбора сторонами приемлемых договорных условий об исполнении обязательства с включением компенсационных и штрафных мер как стимула надлежащего исполнения договорного обязательства, что в совокупности позволило рассматривать договор не только как предпосылку и результат товарообмена, но и как его организацию в аспекте правоотношений его участников¹³. Сказанное дает полное основание для выделения регулирующей функции договора, координирующей деятельность его участников, производной от закрепленного в нормах договорного права дозволения, в связи с чем российские и зарубежные авторы нередко видят в договоре нормотворческие функции и основу (*Normativbestimmungen*).

В цивилизованном обществе и особенно в правовом и социальном государстве право на согласованное волеизъявление, как и право собственности, являясь естественной гарантией использования субъектами права собственного имущества и способностей, их волей и усмотрением, не может рассматриваться как сфера неограниченной свободы, чем обусловлена задача формулировки и наполнения принципа свободы договора в национальном праве. В противном случае такая свобода окажется границей с произволом, что означало бы деградацию правосознания и социальной самоорганизации общества.

В меняющемся мире рост инициативы договаривающихся сторон формулирует перед законодателем и правоприменителем двоякую задачу: обеспечить уровень законодательства, отражающий запросы и потребности субъектов права в согласованных волеизъявлениях при соблюдении и охране интересов неопределенного круга лиц, правопорядка при исходном экономическом

неравенстве переговорных возможностей участников договора. Ее решение требует нормативного закрепления приоритетов правового регулирования, обеспечиваемых действием императивных норм договорного права при определении дополнительного бремени и обязанностей сильной с гарантиями для слабой стороны договора при определении законодателем допустимых целей и последствий договоров. Это обстоятельство чрезвычайно важно, поскольку показывает недостаточность регулирования договорных отношений только диспозитивным методом, не только возлагая регулирование договорных правоотношений на плечи законодателя, но и обозначая существенную роль судебной системы в защите прав и законных интересов договаривающихся сторон и правопорядка, призванной гарантировать и поддерживать законность и справедливость в распределении прав и обязанностей между участниками договора при разрешении споров, вытекающих из договорных правоотношений. В центре внимания оказываются: защита прав путем присуждения к исполнению в натуре или выплаты соразмерной и справедливой компенсации при нарушении условий договорных обязательств; защита от несправедливых договорных условий и злоупотребления переговорными возможностями; охрана интересов неучастников договора (третьи лица, неопределенный круг лиц, правопорядок) при заключении и исполнении договоров, в том числе имеющих антисоциальные и аморальные последствия; различия подходов при разрешении споров из договоров между профессиональными предпринимателями и непредпринимателями. Законодателем при активном участии правоприменительной практики уточняются требования к заключению и исполнению договора, основания его расторжения и недействительности.

Договор не находится в изоляции от условий оборота, социальных от-

¹³ См.: *Privatrechtstheorie herausg // S. Grudmann, H.-W. Micklitz, M. Renner. Tübingen, 2015. Bd. II. S. 1296—1298.*

ношений и гарантий, требующих защиты и в условиях современности охраняемых нормами закона. Соответственно, и содержание договора не может рассматриваться ограничено только в аспекте согласованных сторонами договорных условий как *causa private* участников договора. Такая взаимосвязь проявляется в нескольких измерениях. Во-первых, по мере исполнения обязательств в установленных законом случаях стороны договора считаются вправе заявить возражения по содержанию договора, что непосредственно влияет на существо и срок ранее установленных ими же договорных обязательств (*clausa rebus sic stantibus*); во-вторых, при рассмотрении споров из договора суд наделяется широкими полномочиями толкования договора, в том числе в части неприменения отдельных договорных условий (несправедливые и неэквивалентные); наконец, в-третьих, договор может быть оспорен лицами, не являющимися его участниками, при нарушении его условиями их прав и законных интересов. При таком понимании трудно согласиться с полнотой традиционного определения договора как замкнутого соглашения его участников, направленного на достижение определенного результата¹⁴, в сущности, созвучного трактовке договора в правовых культурах прошлого — *est conventio duorum pluriumve in idem placitum consensus*.

В полной мере идея социальной основы договора воспринята современным взглядом на критерии и средства его толкования, которым признано, что исторически действие принципа *Contra proferentem* связывалось с нейтрализацией негативных эффектов жесткой стан-

дартизации договоров и абсолютизации закрепленного в них волеизъявления, шаблонного применения судами общих условий сделок, что в совокупности позволило видеть в действии названного принципа проявление гарантий транспарентности¹⁵. Именно в контексте социальной предопределенности договора рассматриваются вопросы о его действии, включая вопросы недействительности, расторжения, отказа от договора, применения к его участникам санкций и компенсационных мер¹⁶. На имплементации договора в структуры социального взаимодействия его участников основано и учение о дополнении договора (*Die Lehre von der ergänzenden Vertragsauslegung*). Изначально в его основе усматривалась объективная необходимость восполнения упущенных условий договора гипотетическими, хотя и заведомо неравнозначными действительным и визуализированным непосредственно сторонами, и лишь впоследствии определяемыми правоприменителем через цель договора и баланс прав и обязанностей его участников.

Очевидно, в равной степени должна учитываться и экономическая основа (кауза) договора, поскольку значение экономического эффекта и целей договора особенно в сфере профессионального предпринимательства не должно стремиться к нулю¹⁷. Вместе с тем идея договора

¹⁵ См.: Kosche K. *Contra proferentem und das Transparenzgebot im Common Law und Civil Law*. Tübingen, 2011. S. 610—611.

¹⁶ См.: Kötz H. *Vertragsrecht*. Tübingen, 2012. S. 545—549.

¹⁷ В связи с этим важно обратить внимание на неразрывность правовой, социальной и экономической основ договора, что призвано смягчить близорукость интерпретации договора только в аспекте формально выраженного волеизъявления его участников или часто полярных интересов правопорядка, позволив учесть при толковании договора объективные и достойные защиты интересы сторон (см.: Reiter C. *Vertrag*

¹⁴ См.: Халфина Р. О. *Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве*. М., 1954. С. 50; Годэмэ Е. *Общая теория обязательств*. М., 1948. С. 30; Новицкий И. Б., Луниц Л. А. *Общее учение об обязательствах*. М., 1950. С. 95.

не может быть поглощена абстрактными представлениями о социальной справедливости или экономической эффективности, подобно тому, как и экономическая сфера в целом не может искусственно выделяться в наиболее рациональную социальную среду или эффективную социальную субсистему (М. Вебер). На переднем плане в развитии законодательства и формировании правоприменительной практики по договорам должны оказаться законность волеизъявления, баланс интересов участников договора и правопорядка при сохранении инициативы и личной заинтересованности участников договора в его исполнении. Именно такой подход прослеживается в современной доктрине¹⁸ и правоприменительной практике при разрешении экономических споров¹⁹.

Сказанное позволяет выделить новое направление развития в договорном регулировании. Если римское право было сконцентрировано на способах и формах допустимой защиты участников договора, а право Средневековья на буквальном понимании прав и обязанностей сторон договора через буквальную констатацию исполнения (неисполнения) спорного обязательства, то современное право видит в договоре проявление реальности социального взаимодействия его участников с презумпцией охраны их законного интереса.

Безосновательны предположения о господстве исключительно диспозитивного метода регулирования договорных отношений, поскольку баланс интересов участников договорных отношений предполагает установление единообразных правил и

универсальных гарантий, обеспечиваемых действием именно императивных норм²⁰. Действительно, вопрос о возможных и допустимых проявлениях диспозитивности в договорном праве продолжает оставаться на острие. В частности, справедливо говорится о том, что участники договора зачастую не могут реализовать свой потенциал в частной автономии под влиянием разнорядковых факторов (ограниченные познавательные способности, неравенство переговорных возможностей, различные потенциальные возможности исполнения обязательств и др.), что обуславливает вспомогательную функцию правопорядка по установлению в законе типов и видов договорных обязательств как ориентира договорного взаимодействия сторон. Но при этом невозможно согласиться с тем, что типы и виды договоров в законодательстве могут рассматриваться в значении «юридических транзакций»²¹. Верно и то, что договорное право в отличие от иных подотраслей гражданского права остается максимально восприимчивым для обеспечения свободы самоопределения сторон, но при этом оставляет за собой функцию мерила для контроля соблюдения принципа справедливости²².

Весьма спорна и универсализация значения договорного регулирования за пределами обязательствен-

und Geschäftsgrundlage im deutschen und italienischen Recht. Tübingen, 2002. S. 110—113, 284, 291—292).

¹⁸ См.: *Rehberg M.* Das Rechtfertigungsprinzip. Eine Vertragstheorie. Tübingen, 2014; *Knops K.-O.* Die Personalität des Schuldverhältnisses. Tübingen, 2018.

¹⁹ См.: *Oechsler J.* Op. cit. S. 36—38.

²⁰ Анализируя результаты реформы российского гражданского законодательства, В. В. Витрянский отметил, что разовое объявление всех норм договорного права диспозитивными непригодно — обстоятельная ревизия действующих норм об отдельных видах договоров должна показать возможность и конкретные формы отступления от уже сложившегося регулирования (*Витрянский В. В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2017. С. 280).

²¹ *Cziupka J.* Dispositives Vertragsrecht. Tübingen, 2010. S. 520—530.

²² См.: *Oechsler J.* Op. cit. S. 22.

ных правоотношений в предмете гражданского права. В частности, место и значение вновь закрепленных в российском праве институтов корпоративного и наследственного договора требуют внимания. Корпоративный договор имеет строго обязательственную природу²³, регулируя соглашения об осуществлении корпоративных прав, никак не заменяя собой и не дублируя учредительных документов юридического лица — его востребованность в таком понимании очевидна, и, напротив, понимание корпоративного договора как корпоративного акта создает реальные риски поглощения корпоративного права договорным, что на деле означает деградацию правосознания²⁴. Не меньшие

²³ Конечно, такая констатация и нормативное регулирование не являются полными, поскольку из действующего закона (ст. 672 ГК РФ) не усматривается пределов применения к содержанию корпоративного договора норм и принципов договорного права, как и сама по себе возможность осуществления любого права средствами и формами обязательственного права требует подробного концептуального рассмотрения.

²⁴ Есть и другая точка зрения, представители которой отталкиваются от договорной природы учредительных документов юридического лица и сути корпоративных правоотношений вообще (см.: Степанов Д. И. Свобода договора и корпоративное право // Сборник статей памяти М. И. Брагинского / под ред. В. Н. Литовкина, К. Б. Ярошенко. М., 2013. С. 314, 320), все-таки до конца не учитывая, что создание юридического лица как субъекта права предполагает его обязательную государственную регистрацию как форму разрешительной деятельности и акт признания публичным порядком факта создания юридического лица, обладающего правосубъектностью и действующего на основании норм закона о виде ответствующего юридического лица, а не только собственных учредительных документов. Создание и последующая деятельность юридического лица никак не ограничиваются внутренними и внешними правоотношениями учредителей (участ-

ственности в понимание смысла договорного регулирования привнесли попытки модернизации российского наследственного права. Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» в российское законодательство добавлено новое основание наследования — наследственный договор. Не заостряя внимания на том, что такая альтернативная форма распоряжения имуществом на случай смерти появилась в российском законодательстве спонтанно и без всякой связи с потребностями оборота и текущим состоянием российского наследственного права, отметим, что наследственный договор отражает суть договора только частично — в отношениях связанности обязательствами его сторон, включая основной, не свойственный отношениям договаривающихся сторон элемент одностороннего распорядительного действия наследодателя в установлении призываемых к наследованию лиц. Введение в российское право института наследственного договора (ст. 1140¹ ГК РФ) никак не способствует конкретизации регулирования осуществления и защиты прав, следующих из него как для его участников,

ников) юридического лица друг с другом и третьими лицами, что было бы характерно как раз для договорного, а не корпоративного права, наконец, основа договорного права исторически видится в реализации принципа эквивалентности, а корпоративного — пропорциональности. Сделочная природа учредительных документов и действий учредителей по созданию юридического лица нисколько не может свидетельствовать о договорной природе корпоративных правоотношений вообще. Иначе с таким же успехом возможно было бы отрицать самостоятельность вещных или исключительных прав в предмете гражданского права, искусственно ограничив его только обязательственными отношениями в условиях динамики рынка.

так и для третьих лиц, при том что в зарубежном праве, регулирующем наследственный договор, отмечаются его существенные и не свойственные договору черты: нормы о договорных обязательствах, в том числе договорная ответственность, на наследственные договоры не распространяются; наследник не имеет права требовать сохранения имущества в том состоянии, в котором оно находилось на дату заключения наследственного договора; наследодатель в течение жизни ограничен в осуществлении распоряжения имуществом только фидуциарными обязанностями в пользу наследника; с заключением наследственного договора наследник не приобретает никакого особенного правового положения, которое возможно было бы передать по его усмотрению другому лицу, ограничившись возможностью фактического наследования, не будучи связанным при этом обязанностью по принятию наследства²⁵.

Завершенные этапы реформы ГК РФ обогатили общую часть обязательствного права новыми институтами, расширяющими возможности потенциальных участников договорных отношений. Однако у этого процесса есть и обратная сторона. В частности, при регламентации нормы о заверениях и гарантиях в общей части обязательствного права (ст. 431² ГК РФ) законодатель предусмотрел, что таковые должны быть связаны именно с договорными условиями и исполнением по договору, что создает неопределенность в соотношении договора и заверений об обстоятельствах, существенно снижая ценность автономии заверения в гражданском праве. Далее, принятие российским законодателем активно и эффективно используемого в зарубежной практике института *indemnity*, во-первых, оказалось фрагментарным (ст. 406¹ ГК РФ) и, во-вторых, положило ос-

нову его рассмотрения в контексте мер гражданско-правовой ответственности, хотя практическая потребность в его применении объясняется действенным дополнительным компенсационным механизмом без его увязки с основаниями гражданско-правовой ответственности.

В текущих условиях развития российского законодательства на повестке дня стоит вопрос о совершенствовании норм об отдельных видах и типах договоров. При этом важно акцентировать внимание на том, что совершенствование положений ГК РФ об отдельных видах обязательств ни при каких обстоятельствах не должно ассоциироваться с революционными преобразованиями и сломом действующего регулирования, а должно восприниматься только как его уточнение и развитие. Обнаруживаются зоны, полностью не охваченные действующим регулированием, что требует программного концептуального обоснования направлений развития договорного права с анализом предлагаемых новелл и последствий, связанных с их возможным принятием. В частности, многие виды договоров (например, договоры об оказании услуг, договоры о выполнении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и др.) требуют более развернутой содержательной регламентации. Положения о некоторых договорах (например, о договоре на выполнение пусконаладочных работ, об инвестиционных договорах и др.) вообще отсутствуют в ГК РФ, хотя на практике они широко распространены, а восполнения пробелов их правового регулирования судебной практикой явно недостаточно.

Особую востребованность и социальное значение приобретает развернутое регулирование договора об оказании услуг, которое не следует отождествлять или считать производным от договора подряда.

При разработке норм об инвестиционных договорах не усматри-

²⁵ См.: *Lange K.-W. Erbrecht. München, 2017. S. 121.*

вается оснований безоглядно полагаться на уже установленное в российском законодательстве регулирование специальных инвестиционных контрактов (СПИК) (ст. 16 Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»). Преимущественно приведенной нормой урегулированы не гражданско-правовые правоотношения инвестора и публично-правового образования, а вертикальные отношения по развитию инвестором отдельных направлений конкретной отрасли экономики и правопорядка по адресному созданию инвестору благоприятных условий для осуществляемой им деятельности (например, гарантии стабильности налоговых и регуляторных условий, меры стимулирования и поддержки) безотносительно к исполнению конкретных обязательств с индивидуализированным предметом исполнения, что нехарактерно для гражданско-правовых договоров и вообще для обязательств в гражданском праве, особенно учитывая предусмотренные законом последствия нарушения условий (неисполнения) СПИК. Действием СПИК обеспечивается специальный имущественный и правовой иммунитет для инвестора, что изначально не входит в предмет гражданского права. Соответственно, и назначение СПИК видится в инструменте публичной коммуникации между инвестором, государством и регионами без локализации целей и предмета конкретного обязательства. Принципиально возникают сомнения о допустимости регулирования этих отношений именно обязательственным (договорным) правом, поскольку по существу речь идет об адресных преференциях инвестору органами власти и управления, которые без ущерба для содержания могут оформляться иными инструментами, например программами развития территорий и отдельных секторов экономики или индивидуальными юридиче-

скими актами. Только запутывают своей неопределенностью и никак не могут способствовать развитию представлений о гражданско-правовой специфике инвестиционных договоров выводы отдельных авторов, полагающих, что «нормы договорного (гражданского) права» в инвестиционном законодательстве включают «законы о договоре лизинга, концессионных соглашениях и соглашениях о разделе продукции»²⁶. С таким пониманием инвестиционную составляющую цены и основы сделки можно усмотреть практически в любом обязательстве, начиная от рассрочки оплаты бытового товара в розницу и заканчивая практически любой сделкой по приобретению дорогостоящих штучных товаров, что делает беспредметным и лишенным определенности подход к квалификации инвестиционных правоотношений, не говоря уже о неоднозначности отнесения концессионных соглашений и соглашений о разделе продукции к предмету гражданского права. Во-первых, развитие института публично-частного партнерства, в рамках которого возникают правоотношения из концессионных соглашений и соглашений о разделе продукции в законодательстве, не может полагаться только на предмет, принципы и цели частного права, и, во-вторых, частноправовая составляющая публично-частного партнерства обеспечивает не выражение инвестиционных обязательств в гражданском праве, а представляет собой только одну из возможных форм участия публично-правовых образований в гражданских правоотношениях.

Развитие и усложнение законодательства о государственных закупках требует координации его норм с правилами ГК РФ о поставках продукции для государственных нужд с

²⁶ Доронина Н. Г., Семилютина Н. Г. Проблемы и пути развития российского инвестиционного законодательства // Журнал российского права. 2015. № 6.

акцентом на востребованность и необходимость последних, а направленность государственной политики на развитие агропромышленного комплекса, очевидно, потребует оценки востребованности норм о договоре контрактиции.

Установленные ГК РФ правила о договоре доверительного управления имуществом (гл. 53) потребуют корректировки хотя бы в связи с тем, что регулирование отношений по профессиональному управлению имуществом между доверительным управляющим и учредителем доверительного управления не предполагает элементов фидуции, по существу подразумевая профессиональный предпринимательский договор, исполнение которого не должно влечь за собой трастоподобного обособления управляемого имущества в ущерб интересам кредиторов учредителя доверительного управления (п. 2 ст. 1018 ГК РФ).

Есть проблемы внутренней координации норм о видах договоров в ГК РФ и отдельных федеральных законах, которые должны развивать установленное ГК РФ регулирование, а не создавать нормы, противоречащие Кодексу. В частности, в гл. 39 ГК РФ не развита основа регулирования специфики правоотношений по оказанию услуг, в то время как в отраслевом законодательстве устанавливаются правила об образовательных договорах, о договорах продажи туристического продукта, оказания медицинских услуг и др., что, кстати, нередко используется как аргумент в пользу самостоятельности вновь возникших отраслей в системе права и законодательства; нормы о договоре энергоснабжения в силу прямого указания закона применяются к отношениям, связанным со снабжением энергоресурсами через присоединенную сеть (ст. 548 ГК РФ), хотя и очевидно, что транспортировка энергоресурсов магистральным трубопроводным транспортом не во всех случаях непосредственно связана с потребле-

нием энергоресурсов их получателем, что определено как обязательное условие для энергоснабжения (ст. 539 ГК РФ), чем объясняется необходимость закрепления норм о договорах о транспортировке продукции магистральным трубопроводным транспортом в российском законодательстве в системе транспортных обязательств. В Законе «Об электроэнергетике» дано понятие договора купли-продажи электрической энергии как двустороннего и возмездного договора купли-продажи, что лишено всякого смысла и необходимости.

Потенциально развитие социально-экономических отношений ставит вопрос о необходимости расширения установленных ГК РФ типов договорных обязательств, которые в условиях развития социально-экономических отношений не должны восприниматься как прокрустово ложе. Следует иметь в виду, что выделение в законе новых типов договора будет оправдано совокупностью условий, обеспечивая единообразный подход к систематизации и классификации договоров. Отнесение специфики договорного отношения к типу договора означает, что соответствующий договор нуждается в самостоятельном правовом регулировании в системе обязательственного права, в то время как выделение вида договора основано на выделении важных, однако лишь некоторых его свойств, которые могут быть присущи и договорам другого вида²⁷. Тем самым обеспечивается иерархия норм по общим признакам, облегчающая правоприменение и целостность договорного права. В основу вывода о потребности обособления группы договоров в тип принято закладывать специфику осуществления прав, цели,

²⁷ См.: Садиков О. Н. Некоторые положения теории советского гражданского права // О. Н. Садиков. Вопросы гражданского права и международного частного права. Избранные труды. М., 2015. С. 48—49.

особенности исполнения договора²⁸. Специфика типа договора проявляется в предмете, особенностях правовых отношений участников и цели договора, которые не были свойственны другим договорным типам, что не всегда связано с появлением новых объектов гражданских прав.

Необоснованными видятся утверждения, что для возникновения нового типа договоров достаточно роста технического прогресса и роста технологий, поскольку эти факторы могут влиять преимущественно на способ заключения договоров, но не на его содержание. По этой причине невозможно согласиться с тем, что применение смарт-контрактов потребует развития в законодательстве новых типов договорных форм, поскольку изначально речь идет не о возникновении новых отношений в товарообороте (если речь не идет о товарообороте в самодостаточной и изолированной цифровой системе), а только об использовании участниками оборота в договорной работе цифровых технологий как достижений цифровизации и роботизации при заключении договора и исполнении обязательств. При этом наличие такой технологии равным счетом ничего не говорит о специфике возникающих обязательств, которая никак не может скрываться под маской «самоисполнимости» «умного» смарт-контракта, поскольку такая постановка вопроса создает иллюзию незащищенности участников, что едва ли может обосновывать популярность и востребованность таких инструментов. Недоумение вызывает вывод, предложенный в аналитическом обзоре Банка России по теме «Смарт-контракты»: «Условиями сделки может быть предусмотрено исполнение возникающих из нее обязательств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного волеизъявления его сторон пу-

тем применения цифровых технологий, определенных условиями сделки... оспаривание состоявшегося исполнения таких обязательств допускается исключительно в случаях, когда доказано вмешательство сторон сделки или третьих лиц в процесс исполнения»; внедрение таких новелл якобы будет способствовать «развитию финансовых технологий, расширению инструментов и способов привлечения инвестиций». Очевидно, что ажиотаж и закрепление такого противоречивого регулирования не будут способствовать росту правовых гарантий защиты законных интересов участников оборота. Возможно, по мере развития оборота встанет потребность в точечных дополнениях правил о совершении и исполнении сделок с использованием цифровых технологий, об особенностях и видах (договорная и внедоговорная) ответственности за нарушение принятых обязательств в связи со сбоями в работе программного обеспечения или недобросовестного поведения участников экономико-цифровых отношений при исполнении принятых на себя обязательств, при том что в современных условиях смарт-контракты можно отнести к обязательствам, распространив на них уже существующее регулирование обязательств.

Публичное (административное) право. Российское законодательство, правоприменительная практика и доктрина изобилуют понятиями «публичная услуга», «административный договор» при полной неопределенности значения используемых терминов. Фрагментарное употребление таких терминов в законодательстве и их реализация на практике без разработки в публичном праве специальных режимов и понятийных конструкций влекут правовые последствия, связанные с применением институтов гражданского права (общих положений об обязательствах и договоре и специальных норм об оказании услуг), что никак не вписывается в цели регулирования

²⁸ См.: Ринг М. Г. Договоры на научно-исследовательские и конструкторские работы. М., 1967. С. 15.

общественных отношений нормами и методом публичного права.

Употребление гражданско-правовых конструкций в публичном праве (оказание публичных услуг, передача компетенции по административному договору от одного органа исполнительной власти другому, передача отдельных компетенционных полномочий органов власти некоммерческим организациям по модели аутсорсинга и др.) создает существенные риски для публичного права: распыление компетенции органов государственной власти и государственного аппарата, злоупотребление и уклонение от ответственности за ненадлежащее исполнение возложенных государственных функций, что в конечном счете представляет реальную угрозу для слаженного и эффективного функционирования государственного аппарата.

Сказанное касается не только аутсорсинга государственно-властных полномочий и оказания публичных услуг населению страны, но и договоров о разграничении компетенции между органами исполнительной власти. Нисколько не обоснованы предположения, что законодательное регулирование в перспективе и расширение практики заключения договоров о разграничении компетенции между органами исполнительной государственной власти в современных условиях могут способствовать повышению эффективности работы государственного аппарата, поскольку его работа и без того основана на принципе единства исполнительной власти, другое дело, что такой принцип государственного администрирования требует не только нормативного закрепления, но и раскрытия, что не должно связываться с реализацией договоров (соглашений) о разграничении компетенции между органами государственной власти. В действительности не может быть и речи о законности заключения таких договоров между компетенционно обязанными

органами государственной власти. В противном случае получается, что правовой режим компетенции сходен с товаром, который можно свободно отчуждать и приобретать, что само по себе противоречит сути отношений по реализации и наделению компетенцией органов публичной власти, которые должны осуществлять возложенную компетенцию, а не распоряжаться ею по своему усмотрению. Обращают на себя внимание и другие несоответствия: участники таких соглашений изначально не связаны обязательствами по добросовестному ведению переговоров до его заключения, на них не распространяются положения о свободе договора и требования о его заключении и обязанности надлежащего исполнения, принципы исполнения и основания расторжения и недействительности, с момента заключения такого договора стороны не считаются связанными его условиями как обязательством, а принудительное исполнение договорных условий, как и применение мер договорной ответственности, оказывается невозможным, не возникает и состояния юридической связанности условиями договора, не говоря о том, что в вопросах разграничения уже предоставленной компетенции органы исполнительной власти не обладают должной правосубъектностью, поскольку их компетенция утверждена соответствующим положением и на выполнение соответствующих функций уже выделены соответствующие средства и материально-техническая база. В связи с этим договорный механизм разграничения компетенции между органами исполнительной власти оказывается невозможным и приводит к неэффективной работе государственного аппарата, противоречит интересам государственной службы, тем более что заключение таких договоров, как правило, не сопровождается внесением изменений в ранее закрепленную компетенцию органа исполнительной власти, что свиде-

тельствует об отсутствии юридической силы таких соглашений.

В науке административного права справедливо отмечено, что в отношениях органов власти и по поводу их компетенционной деятельности под формой договора в действительности скрывается принятый ими совместно административный акт, требующий в каждом случае самостоятельной оценки, в то время как «в области государственной деятельности идея договора как регулятора административных отношений в принципе нежизнеспособна»²⁹. Именно этим об-

стоятельством возможно объяснить то, что положения таких административно-публичных соглашений, а в действительности совместных административных актов нескольких органов власти, существенно влияют на права и обязанности не участвовавших в них лиц, обладая чертами нормативности, подразумевая необходимость их опубликования. В зарубежном административном праве отмечается высокий потенциал использования договорных моделей между органами исполнительной власти, однако не по предмету разграничения уже возложенной на них компетенции, а по содействию и координации работы исполнительных органов в части реализации уже установленной властной компетенции, что должно сопровождаться развитым регулированием и судебным контролем административных договоров³⁰, что не учитывается сторонниками использования административных договоров в российском праве. При таких обстоятельствах важным видится понимание того, что публичная компетенция не может принимать форму товара или услуги и рассматриваться в качестве предмета договора, заключаемого между равными и правосубъектными лицами.

²⁹ Ноздрачев А. Ф. Административные соглашения (теоретическое рассмотрение проблемы и анализ практики использования в государственном управлении) // Законодательство и экономика. 2012. № 9. Нельзя не отметить изначальную неопределенность понятия и сферы действия административного договора в доктрине российского административного права, но при этом проникновение договорных начал в административное право рассматривалось преимущественно как способ взаимодействия публичной власти и управляемых ею лиц, но не как инструмент раздробления закрепленной компетенции между органами государственной власти (см.: Елистратов А. И. Очерк административного права. М., 1922. С. 95; Ямпольская Ц. А. О теории административного договора // Советское государство и право. 1966. № 10. С. 132—135; Новоселов В. И. К вопросу об административных договорах // Правоведение. 1969. № 3. С. 43).

³⁰ См.: Stober R., Kiuth W., Korte S., Eisenmenger S. Verwaltungsrecht I. München, 2017. S. 691—694.

Библиографический список

- Cziupka J. Dispositives Vertragsrecht. Tübingen, 2010.
- Enneccerus L. Rechtsgeschäft Bedingung und Anfangsterim. Marburg, 1888.
- Flüme W. Allgemeiner Teil des bürgerlichen rechts. Berlin, 1992. Bd. 2 Das Rechtsgeschäft. Historisch-kritischer kommentar zum BGB herausg / M. Schmoeckel, J. Rückert, R. Zimmermann. Tübingen, 2003. Bd. I. Allgemeiner Teil.
- Knops K.-O. Die Personalität des Schuldverhältnisses. Tübingen, 2018.
- Kosche K. Contra proferentem und das Transparenzgebot im Common law und Civil Law. Tübingen, 2011.
- Kötz H. Vertragsrecht. Tübingen, 2012.
- Lange K.-W. Erbrecht. München, 2017.
- Oechsler J. Vertragliche Schuld-verhältnisse. Tübingen, 2017.
- Örtmann P. Das Problem der relativen Rechtszuständigkeit // JhJ. 1916. Bd. 30.
- Privatrechtstheorie herausg / S. Grudmann, H.-W. Micklitz, M. Renner. Tübingen, 2015. Bd. II.

- Rehberg M. Das Rechtfertigungsprinzip. Eine Vertragstheorie. Tübingen, 2014.
- Reiter C. Vertrag und Geschäftsgrundlage im deutschen und italienischen Recht. Tübingen, 2002.
- Schlossmann S. Der Vertrag. Leipzig, 1876.
- Stober R., Kiuth W., Korte S., Eisenmenger S. Verwaltungsrecht I. München, 2017.
- Willingmann A., Tammer M., Tonner K. Vertragsrecht: kommentar. München, 2010.
- Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1. М., 2005.
- Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2017.
- Гайдаенко Шер Н. И. Договорные формы урегулирования споров, возникающих в связи с предпринимательской деятельностью (опыт России и зарубежных государств): дис. д-ра юрид. наук. М., 2018.
- Генкин Д. М. Правовое регулирование труда в промысловой кооперации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1939.
- Годэмэ Е. Общая теория обязательств. М., 1948.
- Гутников О. В. Управленческие договоры в гражданском праве // Договор как общеправовая ценность. М., 2018.
- Доронина Н. Г., Семилютин Н. Г. Проблемы и пути развития российского инвестиционного законодательства // Журнал российского права. 2015. № 6.
- Елистратов А. И. Очерк административного права. М., 1922.
- Клейн Н. И. Организация договорно-хозяйственных связей. М., 1976.
- Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательствах. М., 1950.
- Новоселов В. И. К вопросу об административных договорах // Правоведение. 1969. № 3.
- Поздрачев А. Ф. Административные соглашения (теоретическое рассмотрение проблемы и анализ практики использования в государственном управлении) // Законодательство и экономика. 2012. № 9.
- Пугинский Б. И. Частный договор в научной картине права // Б. И. Пугинский. Избранные труды: сборник к 75-летию. М., 2018.
- Ринг М. Г. Договоры на научно-исследовательские и конструкторские работы. М., 1967.
- Садиков О. Н. Некоторые положения теории советского гражданского права // О. Н. Садиков. Вопросы гражданского права и международного частного права. Избранные труды. М., 2015.
- Садиков О. Н. Нетипичные институты в советском гражданском праве // О. Н. Садиков. Вопросы гражданского права и международного частного права. Избранные труды. М., 2015.
- Степанов Д. И. Свобода договора и корпоративное право // Сборник статей памяти М. И. Брагинского / под ред. В. Н. Литовкина, К. Б. Ярошенко. М., 2013.
- Халфина Р. О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. М., 1954.
- Ямпольская Ц. А. О теории административного договора // Советское государство и право. 1966. № 10.

References

- Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. Dogovornoe pravo. Kniga 1. Moscow, 2005.
- Cziupka J. Dispositives Vertragsrecht. Tübingen, 2010.
- Doronina N. G., Semilyutina N. G. Problems and Paths of Development of Investment Legislation of the Russian Federation. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2015, no. 6. (In Russ.).
- Enneccerus L. Rechtsgeschäft Bedingung und Anfangsterim. Marburg, 1888.
- Flüme W. Allgemeiner Teil des bürgerlichen rechts. Berlin, 1992. Bd. 2 Das Rechtsgeschäft.
- Gaydaenko Schaer N. I. Dogovornye formy uregulirovaniya sporov, vznikayushchikh v svyazi s predprinimatelskoy deyatel'nost'yu (opyt Rossii i zarubezhnykh gosudarstv). Dr. diss. Moscow, 2018.
- Genkin D. M. Pravovoe regulirovanie truda v promyslovoy kooperatsii. Dr. diss. Moscow, 1939.
- Godeme Ye. Obshchaya teoriya obyazatel'stv. Moscow, 1948.

- Gutnikov O. V. *Upravlencheskie dogovory v grazhdanskom prave. Dogovor kak obshchepравovaya tsennost*. Moscow, 2018.
- Historisch-kritischer kommentar zum BGB herausg. M. Schmoeckel, J. Rückert, R. Zimmermann. Tübingen, 2003. Bd. I. Allgemeiner Teil.
- Khalfina R. O. *Znachenie i sushchnost dogovora v sovetskom sotsialisticheskom grazhdanskom prave*. Moscow, 1954.
- Kleyn N. I. *Organizatsiya dogovorno-khozyaystvennykh svyazey*. Moscow, 1976.
- Knops K.-O. *Die Personalität des Schuldverhältnisses*. Tübingen, 2018.
- Kosche K. *Contra proferentem und das Transparenzgebot im Common law und Civil Law*. Tübingen, 2011.
- Kötz H. *Vertragsrecht*. Tübingen, 2012.
- Lange K.-W. *Erbrecht*. München, 2017.
- Novitskiy I. B., Lunts L. A. *Obshchee uchenie ob obyazatelstvakh*. Moscow, 1950.
- Novoselov V. I. *K voprosu ob administrativnykh dogovorakh*. *Pravovedenie*, 1969, no. 3.
- Nozdrachev A. F. *Administrativnye soglasheniya (teoreticheskoe rassmotrenie problemy i analiz praktiki ispolzovaniya v gosudarstvennom upravlenii)*. *Zakonodatelstvo i ekonomika*, 2012, no. 9.
- Oechsler J. *Vertragliche Schuld-verhältnisse*. Tübingen, 2017.
- Örtmann P. *Das Problem der relativen Rechtszuständigkeit*. *JhJ*, 1916, bd. 30.
- Privatrechtstheorie* herausg. S. Grudmann, H.-W. Micklitz, M. Renner. Tübingen, 2015. Bd. II.
- Puginskiy B. I. *Chastnyy dogovor v nauchnoy kartine prava*. In B. I. Puginskiy. *Izbrannye trudy: sbornik k 75-letiyu*. Moscow, 2018.
- Rehberg M. *Das Rechtfertigungsprinzip. Eine Vertragstheorie*. Tübingen, 2014.
- Reiter C. *Vertrag und Geschäftsgrundlage im deutschen und italienischen Recht*. Tübingen, 2002.
- Ring M. G. *Dogovory na nauchno-issledovatel'skie i konstruktorskie raboty*. Moscow, 1967.
- Sadikov O. N. *Netipichnye instituty v sovetskom grazhdanskom prave*. In O. N. Sadikov. *Voprosy grazhdanskogo prava i mezhdunarodnogo chastnogo prava. Izbrannye trudy*. Moscow, 2015.
- Schlossmann S. *Der Vertrag*. Leipzig, 1876.
- Stepanov D. I. *Svoboda dogovora i korporativnoe pravo*. *Sbornik statey pamyati M. I. Braginskogo*. Eds. V. N. Litovkin, K. B. Yaroshenko. Moscow, 2013.
- Stober R., Kiuth W., Korte S., Eisenmenger S. *Verwaltungsrecht I*. München, 2017.
- Vitryanskiy V. V. *Reforma rossiyskogo grazhdanskogo zakonodatelstva: promezhutochnye itogi*. Moscow, 2017.
- Willingmann A., Tammer M., Tonner K. *Vertragsrecht: kommentar*. München, 2010.
- Yampolskaya Ts. A. *O teorii administrativnogo dogovora*. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1966, no. 10.
- Yelistratov A. I. *Ocherk administrativnogo prava*. Moscow, 1922.
-
-